

ТАНЯ ВИНК

ПРОСТИ
за
ЛЮБОВЬ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Annotation

Чтобы понять, что встретил настоящую любовь, не нужно много времени. Дима приехал сюда, в одесский санаторий, накануне собственной свадьбы. И встретил ее... Настю, добрую, нежную девушку, много пережившую в детском доме, но не разучившуюся любить... Они расстанутся навсегда, когда невеста Димы сообщит о беременности. Ребенок не должен расти без отца, ведь Настя знает, как это больно... Почти тридцать лет Дима проживет не своей жизнью вместе с нелюбимой. Почему в другом городе ему лучше, чем дома? Но однажды он случайно столкнется с девушкой и не сможет отвести глаз – так похожа она на его первую и единственную любовь...

Таня Винк

Прости за любовь

© Винник Т. К., 2016

© DepositPhotos.com / kegfire, обложка, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

* * *

Моему сыну

– Это не я! Я не хотела!

Лена проснулась и посмотрела на другую половину кровати. От сердца отлегло – там было пусто. Она приподнялась на локте, взбила подушку и снова легла.

Ну вот, она так старалась не кричать, но все напрасно – как ни старайся, а во сне действуют свои правила. Хорошо, что Дима уехал. Конечно, она счастлива, когда муж рядом, но его пугают эти крики. Он предлагал сходить к психологу, сказал, будет рядом сидеть, за руку держать, но что она скажет этому психологу?

Правды она не скажет никому.

На часах без десяти восемь. Дима наверняка проснулся, уже можно позвонить, услышать «доброе утро», представить, как он поглаживает пальцами висок, как улыбается. Никто так не улыбается, только он – по-детски беззаботно, озорно, на все кривые зубы. Он хотел сделать коррекцию, но она долго отговаривала. И он согласился, потому что любит ее. Потому что знает: она тоже любит его больше жизни. Это не просто слова, так и есть.

Она посмотрела на телефон. Нет, сейчас она не будет звонить, она позвонит в половине девятого, он как раз будет в дороге. А то потом как сядет в свое кресло – и все, с головой уйдет в работу.

Она накинула халат и, шлепая босыми ногами по холодному полу, пошла в кухню. Хотелось кофе, но, увы, нельзя. Включила чайник, затем телевизор, вынула из холодильника пакет с соком и забралась на высокий стул.

По телевизору шла сказка о любви, «Вечное сияние чистого разума».

– Какого черта?! – воскликнула Лена и переключила канал.

Здесь крутили рекламу – обворожительный мачо дарил возлюбленной шоколад.

– Да чтоб тебя! – она замахнулась пультом на экран.

Это неправильно. Мама говорила: «Эмоции надо сдерживать, тогда все будет хорошо». Она сдерживает эмоции, даже когда они бьют через край, – и где оно, это хорошо? Нет его! Просто у каждого свое «правильно» и свое «хорошо». И никто не знает, как ей плохо, и никогда не узнает, потому что о таком не рассказывают. Она выключила телевизор и спрятала сок в холодильник.

Восемь утра. Зазвонил телефон. Это был прораб, а не Дима.

– Я вас не разбудил?

– Нет.

– Стройплощадка готова.

– А мусор вывезли?

– Конечно, последняя машина ушла в час ночи. Когда вы встречаетесь с Григорием Михайловичем?

– В субботу.

– Отлично. Надеюсь, вам понравится его проект. Хороших выходных.

– И вам тоже.

Господи, ну почему она не настояла на своем и не продала дом? Он же ей принадлежит по завещанию. А потом купили бы где-нибудь в районе Алексеевки, у озера, например. И все решилось бы само собой: с глаз долой – из сердца вон. Но Дима и слушать не хотел – мол, только полный идиот меняет Шатиловку на Алексеевку, пусть даже с озером. Озеро – это

комары, а здесь никаких комаров, красивый сад, сосны по периметру, соседей не видно. Центр города, до метро пять минут пешком. Что еще надо? Если ей не нравится дом, то его можно перестроить, он не против.

Она не хочет перестраивать. Она снесла его к чертовой матери! Узнав об этом, Дима поворчал, а потом пошло-поехало: выбор проекта, затем хороших строителей... Наброски, планы: вот тут будет детская, тут – столовая. Детская комната должна быть солнечной, с террасой, видом на сад, площадку для игр... Она по уши в делах, некогда сидеть и пялиться в потолок, ждать субботы. Но Дима теперь редко приезжает даже на выходные.

Он не виноват, он работает как вол. Он вернется в Харьков насовсем, как только родится ребенок.

Мечта о ребенке и любовь к мужу – единственное, ради чего она живет. Больше у нее ничего нет. Нет здоровья, хотя врачи утверждают обратное. Если она здорова, почему не может родить? Почему носит, носит – и вдруг...

Да, она нервная, издерганная, по десять раз на день звонит мужу, чтобы услышать его голос. Рассказывает про визиты к врачу, про стройку, про разную чепуху – кого видела, кто звонил. Шутит, старается быть веселой, а он слушает, поддакивает и тоже смеется.

Она сунула телефон в карман и пошла в гардеробную. Открыла шкаф, сняла с вешалки плащ и зарылась в него лицом.

Синий плащ... Он был на Диме, когда она впервые его увидела. Она пришла к маме на работу, в больницу, а он шел по коридору. Она увидела его и онемела. «Ты чего?» – спросила мама. А она стояла как дурочка и пялилась на незнакомца. Мама увлекла ее за угол: «Да это сын Ларки Хованской!» – и попросила Лену закрыть рот. Лариса Алексеевна Хованская училась с мамой в одной группе, работала в военном госпитале и два раза в неделю вела прием больных в областной больнице.

Целую неделю с Леной творилось неладное. Она отвечала невпопад, натыкалась на людей и мебель, в кондитерской «Бисквит» долго смотрела на продавца и не могла собраться с мыслями – что же она хотела купить? На работе куда-то подевала ключ от сейфа с документами «Для служебного пользования». Неизвестно, куда завела бы ее стрела Купидона, но все эти непонятности конкретизировала пышногрудая Тайка, старшая машинистка обкома. «Ты что, девка, влюбилась?» – спросила она, не отрывая взгляда от каракулей помощника второго секретаря, потом, печатая одной рукой, другую сунула за пазуху и быстрым движением подтянула бретельку бюстгальтера.

– С чего это вы?.. – попыталась отбиться Лена.

Тайка скривилась:

– Я-то ничего – все на твоей роже написано.

Лена хотела послать Тайку, но прикусила язык, потому как Тайка была не только старшей машинисткой – она была особой неприкасаемой. Вещи на ней были не из центрального универмага – одни сапоги на черном рынке тянули на двести рублей, а их у нее было шесть пар. Дубленка за полторы тысячи, сумки разные. Это при зарплате в сто десять рубликов. А уж платья и костюмы! Они были предметом всеобщей зависти. Надо учесть, что ей завидовали работницы обкома, допущенные до номенклатурной кормушки, а не нищие инженеры какого-нибудь НИИ «Промстройтяпка». У нее была двухкомнатная квартира в сталинке в начале Московского проспекта, каждый год она ездила то в Сочи, то за границу, то в круиз. Как вернется – месяц рот не закрывает, рассказывает, но это не мешало работе: Тайка умела одновременно говорить и печатать, не делая при этом ни одной ошибки. На

«Адмирале Нахимове», который потом трагически ушел под воду, она подружилась с Гомиашвили, актером кино, он играл Остапа Бендера, и очень этим гордилась, потому что товарищ Бендер подкатил к ней со словами, что она самая элегантная женщина не только на судне, но и вообще... Тут Тайка делала паузу – мол, сами догадывайтесь, что было дальше.

На какие шиши все это покупалось? Мужа у нее не было, родители – рабочие тракторного завода. А вот на такие – Тайка была обкомовской проституткой. Она ублажала в гостиницах киевское начальство и разнокалиберных инструкторов. Они дарили ей вещи и боны, на которые можно было отовариться в «Березке». И еще за такую тяжелую работу она получала деньги от одного мерзкого типа, второго помощника первого секретаря – много лет спустя его нечаянно подстрелили на охоте. Работа действительно была тяжелой. Тайка, конечно, не распространялась об этом, Лена все знала от мамы, а мама – от папы, обкомовского работника. Тайка была не одна – при обкоме состоял целый штат таких дамочек, но она была лучшей, и ее запрашивали самые важные гости.

После слов Тайки Лена покурила в туалете – тогда она еще могла себе это позволить, – послонялась по коридорам и решила вечером поговорить с мамой. Потому что без Димы не видела смысла в жизни. Мама попросила тайм-аут для разведки.

Через неделю мама сказала, что Дима перспективный, и они пошли к Хованским в гости. Не просто так – была веская причина: Тамара Николаевна и Лариса Алексеевна закончили мединститут ровно двадцать пять лет назад.

Через год Лена и Дима поженились – это было самым счастливым событием в ее жизни. А потом было всякое. Нет, он не изменял ей – если бы изменял, она бы убила его. А потом себя. Невыносимая мука вот так любить: чем дальше, тем мучительнее, но даже если бы она с самого начала знала, через что пройдет, все равно не отказалась бы от своей любви. Ни за какие земные блага. Как можно отказаться от наслаждения слышать его голос, прижиматься носом к ложбинке над ключицей, вдыхать его запах, целовать плечи? Смотреть, как он в задумчивости поглаживает висок, как пьет, ест. Особенно когда голоден, когда откусывает большие куски и проглатывает почти целиком. А потом ляжет на диван и сразу засыпает. А она садится поблизости и смотрит, смотрит... У него красивое тело, сильные руки. С годами он становится все более привлекательным, а она... Нет, не становится. Но Дима говорит, что сейчас она лучше, чем когда они впервые встретились. Любимый врунишка... Когда он рядом, она млеет оттого, что он рядом, пусть даже его мысли где-то – ей больше ничего не нужно, ведь она больна самой сладкой болезнью во вселенной – любовью. Да-да, любовь – это болезнь, она приравнивается к наркомании и алкоголизму, у нее даже есть свой шифр в международном классификаторе болезней F63.9. Лена верит в магию чисел, вот и тут она сложила цифры: $6+3+9$, получила 18. А что такое восемнадцать? Три раза по шесть, 666... Она больна дьявольской болезнью. Это правда.

Лена повесила плащ в шкаф и прижала ладонь к еще маленькому животу. Дима далеко, но его частичка зреет в ней. Это счастье...

И горько заплакала.

* * *

Мало кто любит февраль. Вот март – это другое дело. А если начистоту, то после января должен быть март.

Февраль любить не за что: серый, грязный, морозный. Не месяц, а сущее наказание. Под ногами коварный лед, над головой такие же коварные сосульки – все время чувствуешь себя беспомощной мишенью. Все проклинаешь, увидев в «Синоптике» веселенькую фразу: «Долгожданный февральский морозец...» Ложь! Никто его не ждал. Из-за него столько страданий! Окоченевшие колени, пальцы, красный нос с каплей на кончике, обувь, покрытая белыми разводами. Эти разводы остаются навсегда! Холод настолько влажный, что не спасает даже суперпуховик. К концу месяца так устаешь от непогоды, что нет сил ни на работу, ни на вечеринки, ни на шопинг. Не хочется высовывать нос не только на улицу, но из-под одеяла тоже. Не нравится тот, кого видишь в зеркале. Все валится из рук, даже руль автомобиля.

Скорее всего, День влюбленных празднуют для того, чтобы хоть как-то оправдать существование этого нелепого месяца, в котором даже количество дней непостоянно. Ну, и еще чтоб вытрясти денежки из окоченевших влюбленных – окоченевших не душами, а телом. С первого февраля магазины устраивают скидки, подтягивая ко Дню влюбленных еще и женский праздник, но покупателей все равно раз-два и обчелся – не всем по карману даже со скидками. В основном в магазины заглядывают озябшие. Погреться и заодно поглазеть. В восемь утра темно, приполз с работы – темно. Даже котов во дворе нет – они не дураки, сидят в подвалах на трубах отопления, марта ждут. Вот первого марта все будет иначе, даже если мороз. Не важно. На календаре март – и точка! И этот, в зеркале, так улыбается! А чего не улыбаться – весна!

Но в Киеве пока февраль, утром туман, днем слякоть, вечером тонкая корочка льда на ступеньках у подъезда. Шлепнешься – и обязательно ругнешь дворника, расторопного и улыбочивого трудягу, будто он один должен сражаться с этой погодой.

Дима тоже боролся с февралем как мог. На работу ездил к десяти, а то и к одиннадцати – он же директор. Он сам все придумал, сам нашел специалистов, сам распределил полномочия и обязанности, и теперь ему оставалось только контролировать и вмешиваться там, где без него никак. А вот Яровой приходил раньше всех, в начале девятого, сразу после выгула собаки. С Юрой Яровым они учились в инженерно-строительном институте и единственные из всего курса получили дипломы с отличием. Потом работали в разных местах, а Юра еще закончил исторический факультет университета – так, ради интереса.

Однажды они встретились в метро. Юра сказал, что работа у него нудная, что зря потратил время на строительный институт, а Дима послушал и предложил посмотреть, над чем работает его фирма. Юра посмотрел и остался. Некоторые умники утверждали, что археолог-шизофреник (почему археолог обязательно шизофреник, Дима так и не понял) развалит успешное предприятие, и ошиблись – через полтора года они запатентовали первое изобретение, а потом еще четыре. И это благодаря Юркиным «шизофреническим» дотошности и скрупулезности.

Когда Дима предложил завоевывать Киев, холостяк Юра без колебаний покинул родной Харьков. Ему было все равно, где жить, – от перемены места жительства его привычки не менялись. Собрался Юра быстро: положил в машину множество картонных коробок с коллекцией древностей, добытых на раскопках, посадил лабрадора Давинчи на переднее сиденье, закрыл квартиру и уехал. В Киеве жила его сестра, очень занятая дамочка, у которой не было ни мужа, ни детей – только бизнес. Она с удовольствием приняла Юру со всем добром и свалила на него домашние дела, вплоть до уборки. Домой она приходила только

ночевать, да и то не всегда. Отпуска Юра проводил в археологических экспедициях в качестве внештатного сотрудника исторического музея, откуда привозил очередной артефакт. Но он не был стопроцентным ботаником, несмотря на очки и гладкую, как бильярдный шар, голову. От ботаников он отличался маленькими черными усиками, почти как у Пуаро. Они топорщились, когда Юра думал, и блестели, когда он пил водку или обсуждал футбольный матч.

За завтраком Дима проверил почту. На работе времени не будет: такое впечатление, что сотрудники сидят в засаде и ждут, когда придет шеф, чтобы броситься к нему со своими проблемами. Он открыл ящик и улыбнулся – пришло письмо от отца Николая. Священник поздравлял с днем ангела – даже открытку прикрепил – и сообщал, что все хорошо.

Они познакомились два года назад. Отец Николай, которому было лет около девяноста, сколько именно – никто не знает, приехал в офис с помощником совершенно расстроенный. Помощник был более спокоен. Он показывал снимки, а отец причитал: «Чем прогневали?», «За что такая кара?» – и заглядывал в глаза, будто Дима с Юрой знали ответ. На снимках была церковь второй половины восемнадцатого века, стоящая над рекой на высоченном холме. В фундаменте со стороны склона была трещина, в которую можно было просунуть спичечный коробок. Собственно, он там уже торчал, помощник позаботился и сунул – для наглядности. Удивительно, как церковь простояла почти двести пятьдесят лет на таком крутом склоне! Настолько крутом, что по нему невозможно было спуститься к реке, разве что кубарем скатиться.

От Киева до церкви ехали почти два часа в сторону Харькова. Сильный ветер гонял по шоссе белых мух, и помощник сокрушался, что в этом году земля голая, что урожай озимых пропадет. Немного поглазев по сторонам, уже потеплевшим, умиротворенным голосом он сообщил, что люди потянулись в церковь как никогда. Война потому что или какая другая причина... Один Бог знает, но церковь вот в кои-то веки смогли отремонтировать.

Тут и сама церковь показалась из-за леса – изящная, с ярко-синими куполами, усеянными золотыми звездами, она будто парила над землей.

– Нам сказали, что только вы можете остановить этот ужас.

Помощник подвел их к трещине в фундаменте. В паре метров от нее располагалась могила известного филолога конца девятнадцатого века. Он хотел лежать здесь, над рекой, поэтому щедро помогал церкви.

– Наша церковь очень крепкая, – бормотал помощник, пока священник ходил взад-вперед и нервно теребил бороду, – фундамент на яичных желтках...

– Органические добавки не влияют на качество фундамента, это доказано, – вставил Юра. – И бычья сперма не влияет, это тоже доказано, еще при Советском Союзе. На доказательство потратили два с половиной миллиона советских рублей.

Лицо помощника исказилось, будто у него внезапно заболел зуб.

– Мы только ремонт закончили. – Он поднял руки к куполам, будто взывая к ним. – Звезды из сусального золота. Видели бы вы, как они на солнышке сверкают. – В его глазах сверкнули слезы. – К нам миряне за тысячи километров приезжают, говорят, место божественное. А что теперь будет? Что мы им скажем? – Он тяжело вздохнул.

– Не надо ничего говорить, – пробасил священник, – надо молиться и работать не покладая рук. – Отец Николай остановился и обвел церковь взглядом. – Большевики тут

коней держали, фашисты боеприпасы хранили, потом мебельный склад был... Тьфу! – сплюнул он в сердцах. – Видели б вы ее до ремонта. Ни одного живого места, вся ободрана и обстреляна. – Он нежно, с любовью, будто по живому, провел ладонью по теперь уже гладкой стене.

– Ну что, вы можете остановить разрушение фундамента? – спросил он после недолгого молчания.

Дима и Юра переглянулись.

– Да, мы можем укрепить фундамент и грунт, – ответил Дима, – но на какое время это спасет церковь, стоящую на таком крутом склоне... – Дима пожал плечами. – Для этого нужны гидрогеологические исследования.

– Спасать церковь не ваша работа, это работа ангела, – ответил священник, будто речь шла о председателе сельсовета.

Грунт зацементировали, откосы укрепили, и теперь раз в квартал в село навевывался инженер, маячки проверял. К счастью, их положение не менялось. А батюшка тем временем молился за спасение душ Димы и Юры, сотворивших богоугодное дело. Юра как-то сказал, что стал спокойнее, рассудительнее, наверное, молитва так работает. Дима только посмеялся.

Он уже выходил из квартиры, когда позвонила жена.

– Доброе утро, любимый.

– Доброе утро, Леночка. Как спала?

– Без тебя я плохо сплю. Как ты?

– Нормально. Дорогая, я спешу. – Он нажал кнопку лифта.

– Что случилось?

– Ничего особенного – работа.

– Фух, напугал.

– Я позвоню тебе позже.

– Позже? – Ее голос заметно дрожал. – Когда?

– Ближе к обеду.

Она всхлипнула.

– Я скучаю по тебе-е-е... Мне так одиноко-о-о... – И она заревела.

– Лена, ну нельзя же каждый день хныкать. Подумай о нашем ребенке.

– Я все время о нем думаю-у-у...

И пошел привычный текст о том, что он не ходит с ней по врачам, не водит в театр, не разговаривает с малышом. Да, он кроха, но ему нужно слышать голос папы.

Дима не перебивал. А зачем? Ее капризы вполне природны. В детстве, отдыхая в деревне у бабушки, он слышал рассказы беззубых старушек о том, как они носили и рожали детей. «Ох, еле выносила! Ругались с муженьком каждую минуту. Как увижу его, аж синою от злости, в душе все переворачивается: он петухом ходит, а я ни спать, ни есть не могу, меня всю аж наизнанку выворачивает. Сколько раз нож откидывала – боялась, что прирежу, прости Господи! – Тут старушка крестилась. – А уж как рожать приспичило... Ой! Так мне плохо было, только что смерти у Бога не просила. Повитуха на меня матом – мол, нечего жалиться, никто тебя под мужика не подкладывал! Тужься, корова! Мои zenки из орбит лезут – и что я вижу?! Матерь Божья! В углу на веревке штаны висят. Уберите, кричу, чтоб ему все отсохло! И родила. Да... Полежала... Смотрю, не хватает в хате чего-то... Сердце сжалось... Слезу

утерла. Говорю, мол, штаны на место повесьте». Тут все смеялись, и Дима тоже смеялся, но тогда он еще не знал почему.

- Успокойся, милая, – ласково сказал он. – Ну что ты себя накручиваешь?
 - Это ты меня накручиваешь – не приезжаешь. Почему ты не приезжаешь?..
 - А ты как думаешь? – Дима сел в машину. – Я должен работать и зарабатывать. Для нас.
- Лена всхлипнула и сказала более-менее спокойным голосом:
- Площадку уже расчистили. Я договорилась с Гришей на субботу.
 - На какое время?
 - На двенадцать.
 - Я постараюсь приехать.
 - Хорошо, постарайся.
 - Договорились. Целую, береги себя.
 - И ты тоже...

Да, он не хочет строить дом. А что, старый был плохой? Нет. Он тоже был из кирпича, крыша – из настоящей черепицы. Он простоял восемьдесят лет, мог бы еще пятьдесят простоять. Коробку и крышу можно было оставить, только внутри все поменять, но Лена заупрямилась. Мол, дом напоминает об ушедших родных и она здесь больше плачет, чем радуется. Этот дом и двадцать соток земли еще до войны получил ее дедушка, обкомовский начальник. После его смерти Ирина Андреевна, бабушка Лены (она до последнего вздоха работала в КГБ, на Совнаркомовской, окна кабинета выходили на Зеркальную Струю), приватизировала дом и землю и составила завещание в пользу дочки Тамары Николаевны. А сыну завещала свою квартиру на Пушкинском въезде, что тоже было неплохо.

В доме Хованские не жили, только летом приезжали – шашлыки пожарить, в саду посидеть. Без заботливых рук дом потихоньку разрушался, сад приходил в негодность, ворота поржавели, и на них уже стали приклеивать объявления «Куплю дорого!». На шашлычный дымок заходили назойливые соседи и просили продать участок куму, свату, брату... Озвученные суммы смешили Диму, а покупатели пучили глаза и растопыривали пальцы: «Что ж ты хочешь, братан, – инфляция, депрессия, экономика в упадке...» – «Да ничего я не хочу и продавать не буду». По вечерам жена устраивала истерики, и Дима сдался: строй новый! Да и ребенку в новом доме будет лучше.

Про каждодневное зарабатывание он тоже наврал. Фирма работает как хорошо отлаженный механизм, и при желании он может руководить из Харькова. Но такого желания нет.

Это случилось семь лет назад. Он стоял у окна своего кабинета в Харькове и смотрел на мостовую. Представил, что сейчас поедет домой той же дорогой, войдет в тот же подъезд, сядет на тот же диван, снова будет делать вид, что слушает Лену. А Лена, как вчера и позавчера, будет сокрушаться, что бросила хорошую работу, что не хотела, но превратилась в домохозяйку. Поплачет, а потом вдруг начнет радоваться, что спит сколько хочет, с удовольствием занимается домашним хозяйством. И от этих мыслей по его спине пополз леденящий холодок.

Он вышел из офиса, свернул за угол, к автомобилю, и тут порыв ветра чуть не вырвал зонт из его руки. Кляня погоду на чем свет стоит, он добежал до машины. Захлопнул дверь, вставил ключ в замок зажигания – и вдруг к лобовому стеклу прилипла газета. Не клочок, а

целая газета, будто кто-то нарочно развернул ее и прилепил. Он включил дворники. Газета смялась, порвалась, но в левом нижнем углу остался кусочек с жирным текстом: «Киев. Сдаются в аренду помещения в офисном здании». Надо же... Пару месяцев назад они с Юрой предположили, что было бы неплохо открыть представительство в Киеве. Тогда он поделился с Леной, и она одобрила – она одобряла все его начинания. Но дальше рассуждений не пошло, не было времени. Сейчас времени тоже не было, но Дима взял телефон и набрал номер, указанный в объявлении.

– Добрый вечер. Я бы хотел завтра утром посмотреть помещения в офисном здании.

Он назвал номер объявления и, получив положительный ответ, позвонил жене:

– Леночка, я срочно еду в Киев, кажется, есть то, что нам надо.

– Ты о чем?

– Можно взять в аренду офисное помещение.

– А чего ты вдруг?

– Какое «вдруг»? Мы уже не раз об этом говорили, пора что-то делать.

– А где оно, это помещение?

– На левом берегу, где-то в центре, больше ничего не знаю. Увижу – сразу позвоню.

– Но ты устал, ты голодный...

– Ничего, я в дороге подкреплюсь.

– Ох, сейчас такой ливень... А завтра нельзя?

– Завтра может быть поздно.

– Что ж... Поезжай. Желаю удачи... Я с удовольствием поживу в столице... Не гони, дорога скользкая.

Первый раз он остановился на заправке недалеко от Полтавы, в тридцати километрах от деревни, в которой когда-то родилась его мама, подкрепился мясом в горшочке и кофе без молока. Вторая остановка была в четыре утра в Киеве, во дворе гостиницы, а в десять он стоял у окна своего будущего кабинета и смотрел на золотистые купола маленькой церквушки.

– Я готов подписать договор, – сказал он и с той поры ни секунды не жалел о своем решении.

А уж как обрадовался мамин брат, дядя Валя! В детстве они вместе отдыхали на море, и дядя Валя возился с Димой больше, чем родители: он был всего-то на четырнадцать лет старше Димы. Он называл Диму Мальшом, а себя – Карлсоном. Он так и остался Карлсоном, добродушным и очень симпатичным холостяком. Ему было за шестьдесят, но он все еще был мужчиной в самом соку: высокий, плотный, а ближе к зиме – довольно полный. Он любил вкусно поесть и обожал готовить, а весной и летом отправлялся в Трускавец на воды, сбросить десяток килограммов. Дядя Валя, как и мама, закончил мединститут и работал психиатром, а потом защитил одну диссертацию, другую и уехал в Киев.

Дядя Валя подружился с Яровым, и Юра бывал у него чаще, чем Дима. Лысина Юры залоснилась, бока округлились, и с позапрошлого года они отправлялись в Трускавец вместе, оставляя лабратора в собачьей гостинице.

Жил дядя Валя в большой двухкомнатной квартире за Пассажем, на улице Заньковецкой. Первый месяц Дима прожил у него, чему дядя Валя был страшно рад. Он угощал Диму редкими блюдами, доводя его вес до цифры, от которой у Димы темнело в глазах. Эту вакханалию остановила Лена, сообщив, что намерена приехать в Киев на пару месяцев. И Дима снял квартиру рядом, на Городецкого.

Сначала Лена была уверена, что это ненадолго, что Дима подготовит киевского директора и они вернутся домой. Через пару месяцев она заныла, что Киев ей надоел, что она обошла все музеи, была на всех выставках, что в театре они были всего два раза – Диме все некогда, – поэтому она уезжает домой: сидеть в четырех стенах она не намерена. Уехав, Лена во время телефонных разговоров шутила, что разлука им только на пользу: ожидание встречи и все такое, но хорошо бы жить вместе. В итоге через полгода купили в Киеве квартиру, чтобы не выбрасывать деньги на съемную и потому, что это разумная инвестиция. Квартиру нашли быстро – в новой высотке недалеко от офиса, пять минут на машине, если без пробок, но пробки были всегда. Если пешком – то десять минут наискосок, дворами, по тихим зеленым улочкам. Кредит взяли в гривне. Предлагали в валюте на более выгодных условиях, но Дима никогда не шел на это: валюта – дама капризная, подорожает и оставит без штанов.

После завершения ремонта они первый раз поссорились по-крупному – она заподозрила, что Дима не собирается возвращаться домой, хотя и подчеркивает, что Киев для него чужой, а Харьков – лучший город на планете. Он сейчас на крыльях полетел бы, только вот загвоздка – некому доверить разросшееся хозяйство. Нет подходящего специалиста – и все тут! А потом начался Майдан и Дима отправил жену домой. И запретил приезжать.

Она звонила и плакала. Он терпел. Потому что жалел.

* * *

Дмитрий проехал один квартал и остановился. Ничего, на работе подождут, а он посидит и покурит. Но сигарета нервы не успокоит, это всего-навсего хватательный рефлекс. Тогда зачем курить? Ответа нет, как нет ответа на вопрос, зачем он бежит от Лены, вместо того чтобы быть рядом: она же беременна. Не первый раз, а шестой. Из них два последних раза – экстракорпоральное оплодотворение. Лена не хотела искусственно – хотела естественным путем, но врачи настояли, и она согласилась.

Он тоже согласился.

Зачем? Ведь ему уже ничего не хочется. А может, хочется, но не с Леной?

Ответ на эти вопросы был. Он не давал уснуть. А если Дима и засыпал, то только до половины четвертого. Он честно признавался себе, зачем все это делает. Потому что все еще любит Настю, и эта любовь так же сильна, как и четверть века назад. Он ничего не забыл, ни одной минуты из тех четырех дней, самых счастливых в его жизни. Он даже ночи помнил, потому что почти не спал. Ему казалось, что все время горит яркий свет, будто включили тысячу хрустальных люстр. И сердце стучало как бешеное. Он помнил всех, кого встречал, они казались такими симпатичными – и дежурная на переговорном пункте, и продавец цветов на базаре, и даже комендант корпуса... Он помнил, с кем говорил, о чем думал, какая была погода. Помнил запахи, цвета, помнил глаза Насти, серо-голубые, помнил улыбку, жесты, смех, походку. Он помнил все, будто появился в этом мире только затем, чтобы прожить эти четыре дня, потому что до этого не жил. И после этого тоже не жил. Он тысячи раз прокручивал в голове последнее утро, последнюю встречу и каждый раз размышлял, что же надо было сказать Насте, чтобы она осталась с ним.

Из-за кустов выбежала девушка, за ней парень со снежком в руках. Смеясь, девушка побежала к машине Димы, и снежок плюхнулся на лобовое стекло. Заработали дворники, и

парочка испуганно отскочила в сторону.

Юноша вскинул руку:

– Звезда падает! Загадай желание!

– Ты что, нет там никакой звезды! Утро же! – возразила девушка, но в небо посмотрела.

– Какая разница! Загадай желание!

«А какое у меня желание?» – подумал Дима, глядя в пасмурное небо, будто в нем должен был вот-вот появиться ответ. Чего он хочет? Да, хочет, но уже ничего нельзя изменить. Нельзя вернуть Настю, нельзя вернуть молодость. И не надо будить уснувшую любовь – пусть она спит, ведь, проснувшись, она может умереть от того, что увидит.

Но одно желание еще может стать реальностью – ребенок, которому он отдаст свое сердце и всю неистраченную любовь. И подарит весь мир. Как часто он представлял, что берет малыша на руки, показывает ему солнечные лучики на полу, листья на дереве, кормит бродячего пса и спасает замерзающего котенка. А потом, когда малыш подрастет, он прочтет ему «Маленького принца» и расскажет сказку о девочке, у которой, так же как и у принца, никого не было, кроме розы... О том, как она отказалась от любви и счастья потому, что не хотела сделать больно еще не родившемуся человеку. «Нет, не тебе, малыш, а твоему старшему братику или сестричке, которые так и не пришли в этот мир... Прошу тебя, малыш, приди, и тогда моя жизнь наполнится смыслом. Приди и спаси меня...»

Дима повернул ключ. Двигатель тихо заурчал.

Он отъехал от тротуара и включил музыку. Переведя глаза на дорогу, он увидел, что впереди на мостовую опускается какая-то фигура.

Дима резко затормозил и крутнул руль влево, избегая столкновения. Это ему удалось. Выругавшись, он выскочил из автомобиля. На мостовой лежала девушка. На боку. Глаза закрыты, лицо спокойное, будто спит. Дима склонился над ней. Откуда ни возьмись собралась толпа.

– Олигархи, мать вашу, житья из-за вас нет!

– Да не виноват он, она сама бросилась под колеса!

– Не бросилась, а упала!

– Да ладно, нечего тут защитницей выступать! Говорю, ей деньги нужны, вот она и бросилась под дорогую тачку! Они теперь все так делают!

– Ага! Сначала шмотки в окно выбросила, а потом под машину бросилась! Ну и мудило ж ты!

Зеваки уже готовы были сцепиться, с любопытством косясь на девушку: жива – не жива? Девушка шевельнулась и открыла глаза.

– Не двигайтесь! – сказал Дима.

Но она попыталась встать.

– Да лежите вы!

– Мне холодно!

Она умоляюще посмотрела на него. В горле вмиг пересохло – такие глаза были у одной женщины во всей вселенной. Нет, не глаза, а то, что в них... там, в глубине.

– Конечно, холодно, но надо лежать: вдруг вы что-то сломали?

Она пыталась сопротивляться:

– Да ничего я не сломала! Пустите!

– Не вертитеесь, я помогу.

Дима взял ее под мышки и осторожно посадил. Она дрожала.

– Я встать хочу! – Она покосилась на толпу и перевела взгляд на Диму. – Чего они смотрят?

– Чего? Любопытство, знаете ли...

Она повернула голову к машине:

– Я на дороге?

– Да, вы упали на дорогу, и я вас чуть не переехал.

– Упала на дорогу? – девушка с удивлением уставилась на Диму, но вдруг скривилась и прижала руку к затылку. – Мне надо встать...

– Не разрешайте ей! – крикнула женщина из толпы. – Вдруг помрет – что тогда вам делать? Пусть сидит, пока скорая не приедет. Я сейчас вызову, – она помахала телефоном.

– Ага, буду я тут сидеть, пока задница к дороге не примерзнет! – огрызнулась девушка и снова заерзала.

– Да что вы такая непослушная?! – Дима с трудом ее удерживал. – А если у вас что-то сломано?

– Да ничего у меня не сломано! Отпустите! Мне холодно!

И он отпустил ее.

Худая, грязная, стоит, пошатываясь. Пальто потертое, темные волосы стянуты на затылке резинкой, шея тощая, ноги голые, в одном тапочке, а вокруг валяются какие-то вещи, большая клетчатая сумка «радость оккупанта» и кривой черный сапог.

«Что бы это могло значить?» – подумал Дима.

Девушка с удивлением разглядывала людей и вещи.

– Тут так получилось, – начала объяснять все та же женщина, будто услышав мысли Димы. – Сначала вылетели вещи вон из того окна на четвертом этаже, – она ткнула пальцем вверх, – а потом девчонка выбежала вон из того подъезда, – женщина показала рукой на подъезд. – Она собирала вещи, ругалась и грозила кулаком окну, потому вас и не заметила. А как заметила, так от страха и шлепнулась на дорогу. – Женщина поставила на асфальт сумку, из которой торчала тонкая палка колбасы.

– Не твое дело, чего я шлепнулась! Какого черта уставились? – рыкнула девушка на толпу. – Жалеете, что меня по асфальту не размазало? Пошли вон, суки!

Кто-то обложил ее матом, и девушка бросилась на обидчика. Дима схватил ее за рукав и оттащил к машине. Она вырвала руку и, что-то зло бормоча, подняла с грязного снега сумку.

– Идиотка, сумасшедшая! – раздалось в толпе.

– Козлы!

Дима принес кривой сапог:

– Наденьте, вы же босая... Вы что, не видите?!

– Я все вижу! – Она вырвала сапог.

Сапог оказался с левой ноги, а босой была правая. Девушка тут же, на снегу, переобула тапочек на другую ногу, надела сапог и, сгорбившись, принялась складывать вещи в сумку. Ее руки дрожали, она шмыгала носом.

– Поищите носки, – посоветовал Дима, – да и наденьте что-нибудь, вы же простудитесь!

Девушка его не слушала и еще больше сгорбилась. Дима, решив помочь, собирал разбросанные вещи, но во всей этой куче не было ни одного носка. Кто-то из зевак тоже помогал.

– Ну вот, надо же! – в сердцах сказала она, когда толстый бумажный пакет, перевязанный тесемкой, вдруг развалился в ее руках и из него посыпались какие-то бумаги; среди них был

диплом. Не такой, как когда-то получил Дима, в солидной корочке с гербом СССР, а обычный ламинированный кусочек картона.

Дима бросился собирать бумаги, но она оттолкнула его.

– Что вы такая злая?! Я, что ли, виноват во всем этом?! Это вы упали под мой автомобиль!

– Да пошли вы с вашим автомобилем!

Дима хотел огрызнуться, но не смог. Ему было жаль эту несчастную, собирающую старые, сильно поношенные вещи. На вид ей было лет тридцать, а то и больше: две глубокие морщины между бровями, уголки рта опущены, движения угловатые, голова клонится к плечу, будто она хочет спрятать ее под мышкой.

С воем сирены подъехала полицейская машина. Из нее вышел полицейский, другой остался за рулем.

– Здравствуйте! – Полицейский сразу почему-то подошел к Диме. – Старший сержант Рудько. Что тут происходит?

– Вот эта, в одном сапоге, – Дима показал на девушку, – упала на дорогу. Прямо мне под колеса.

– Ушибы есть?

– Я ее не зацепил, но вообще-то не знаю, с ней невозможно разговаривать. Я просил ее не вставать, пока скорая не приедет, но она – видите!

Девушка стряхивала грязь с белого свитера.

– Гражданка, что происходит? – крикнул Рудько.

– Ничего! – Девушка скомкала свитер и направилась к сумке.

– Это ваши вещи?

– Мои.

– Как они здесь оказались?

– Оказались – и все!

– Тэ-экс... Ваши документы.

– Если найду.

– Где найдете?

– Вот здесь! – она развела руками.

Подошел второй полицейский.

– Ее вещи вылетели из окна, – подала голос женщина с колбасой. – Я как раз дорогу переходила и все видела.

– Из какого окна? – спросил второй полицейский, с любопытством оглядывая добротную пятиэтажку.

– Вон из того, на четвертом этаже, – женщина показала на окно, – второй подъезд, от лифта направо. Я живу в этом доме, в третьем подъезде.

– Вот что, Сердюк, – сказал Рудько, – иди в квартиру и выясни, что там произошло.

Сердюк вернулся минут через пятнадцать с женщиной в короткой куртке, лосинах и сапогах на шпильке. Под мышкой она держала злобно твякающую собачонку с алым бантом на мохнатой голове.

– Товарищ старший сержант, вот паспорт этой, в одном сапоге, – сказал Сердюк, протягивая паспорт, – она работает домработницей у гражданки Федченко и живет у нее.

Старший сержант взял паспорт.

– Вы гражданка Федченко?

– Да.

– Это мой паспорт! – воскликнула девушка, держась на расстоянии.

– Да, ваш. Тэ-экс... – Полицейский полистал документ. – Шумейко Катерина... Родилась восьмого декабря тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. – Он перевернул странички. – Вы из Луганской области?

– Да, из Луганской.

– Беженка?

– Да, беженка.

– А документ где?

– Он с паспортом лежал.

– Почему не принесли удостоверение беженца? – спросил он у Федченко.

– А я что, видела его?

– Оно там же, в ящике! – Шумейко злобно пялилась на хозяйку, будто хотела испепелить ее взглядом.

– Я не видела. И вы мне про него не сказали.

– А вы сами не понимаете?! – Рудько повернулся к Шумейко. – Где вы живете, гражданка Шумейко?

– В Бердичеве. А вообще, живу там, где работаю.

– Ваши документы! – Рудько посмотрел на собаководелицу.

Дамочка вынула из кармана куртки права.

– Тэ-экс... – Старший сержант качнулся на каблуках. – Так что произошло, гражданка Федченко?

– Понятия не имею!

Рудько приподнял брови:

– Значит, получается, что ваша домработница выбросила свои вещи в окно и убежала?

Федченко кивнула.

– А деньги и документы забыла?

Федченко закивала мелко и часто, как болванчик.

– И вы никак не отреагировали?

– А как я должна была реагировать?

– Вызвать полицию, скорую. Шумейко беженка, у нее мог быть нервный срыв. А если бы она вслед за вещами? А?

– Что? У меня нервный срыв?! – воскликнула Шумейко. – Это у нее не все дома!

Рудько примирительно взмахнул рукой:

– Гражданка Шумейко, успокойтесь, мы все выясним.

– Может, меня спросите? Я такой же человек, как она! Или беженцы не люди?

Рудько поправил шапку.

– Хорошо, говорите. Так что произошло? – Он поднял брови, и теперь у него был вид внимательно слушающего человека.

– Она выпила кофе и попросила меня погадать на кофейной гуще, – сказала Шумейко.

– Вы что, гадалка?

– Ну, не знаю... У меня получается.

– Что получается?

– Угадывать получается! А что еще?

– И что вы угадали сегодня утром?

– Я сказала, что муж ей изменяет. Она выхватила чашку и разбила. А потом стала кричать и выбросила мои вещи в окно. И меня вытолкала!

Федченко дико вращала глазами:

– Муж изменяет?! Дура ты неотесанная! Он меня обожает!

– Так чего вы каждый день гадаете?! Ваш обожатель ко мне клинья подбивал, к Ирке с третьего этажа...

– Ах ты сука! Надо же, такую змеюку в дом пустила!

Собачка взвизгнула и цапнула хозяйку за руку. Хозяйка дала собаке по ушам, и та зарычала.

Девушка хотела еще что-то сказать, но ойкнула, пошатнулась и начала оседать на снег. Дима успел подхватить ее под мышки. Худая, невысокого роста, она оказалась не такой уж легкой.

– Она симулирует, – заявила собаководчица. – Она так уже делала. Мужчины, вы испачкались, бросьте ее, – посоветовала она Диме.

– Помолчите! – прикрикнул полицейский на дамочку. – Вот что, Федченко, для начала составим протокол, а потом будем выяснять, кто симулирует, а кто – нет.

– Какой еще протокол?

– Как какой? Вы вещи Шумейко выбросили?

– Ничего я не выбрасывала!

– Выбрасывала! – вмешалась женщина с колбасой. – Я видела.

– И можете подтвердить в суде? – спросил Рудько.

– Еще как могу!

– Ай-яй-яй! – запричитала Федченко. – Ну, времена! Что, будешь на соседку наговаривать?!

– Вы мне не тыкайте! Наговаривать не буду, а вот правду скажу.

– И не стыдно?

– Нет, не стыдно. Вы со мной никогда не здоровались, а теперь вдруг признали? С каких дел?

– Прекратите! – Рудько поднял руку.

– Товарищ старший сержант, – заюлила собаководчица (если бы у нее был хвост, в эту минуту он точно отвалился бы). – Не надо никакого протокола.

Послышались звуки сирены – это была скорая. Все повернули головы на дорогу, и из потока машин с каким-то особым шиком, будто шла не по дороге, а по волнам, выскользнула новенькая карета скорой и, грациозно обогнув стоящий троллейбус, остановилась прямо перед машиной Хованского. Из нее выскочили двое медработников.

– Сюда! – крикнул Дима.

Они подбежали трусцой и взяли девушку под руки.

– Что с ней? – спросил тот, что постарше, озабоченно вглядываясь в лицо Шумейко.

– Не знаю...

– Ладно, сейчас посмотрим. – И они медленно пошли к «скорой».

– Вы там это, поделикатнее, она беженка, – бросил сержант и повернулся к Диме, – вы ее точно не зацепили?

– Нет. – Дима разглядывал пальто: рукава и перед были грязными.

– Товарищ старший сержант, – стоя на полусогнутых, Федченко лезла полицейскому в лицо, – не надо ничего писать. Признаюсь, погорячилась, я все ей прощаю. Я не в обиде...

– А может, гражданка Шумейко в обиде? – вмешался Сердюк.

– Это почему же?

– Вы понимаете, гражданка Федченко, что обидели беженку? Понимаете, что к ней надо относиться иначе?

– Я ей хорошо платила.

– Оно и видно!

– Слушайте...

– Это вы послушайте! – рявкнул Сердюк. – Вы войну видели?

– При чем тут война? – растерялась Федченко.

– При всем! Шумейко видела войну не по телевизору. Ей всего-то двадцать семь, а вы на нее посмотрите! Как вы думаете, гражданка Федченко, отчего она такая тощая и страшная, а? От хорошей жизни? Бессердечная вы, гражданка Федченко! – в сердцах сказал он и повернулся к Диме. – Гражданин, как ваша фамилия?

– Хованский.

– Вот что, гражданин Хованский, вы будете свидетелем, и вы, граждане, тоже, – Рудько обвел взглядом толпу. – Речь идет о причинении гражданкой Федченко материального ущерба гражданке Шумейко.

Толпа рассосалась за считанные секунды. Осталось трое особенно любознательных, в том числе женщина с колбасой.

– Какой материальный ущерб?! – воскликнула Федченко, в поисках поддержки окидывая взглядом оставшихся. – Нет тут никакого ущерба!

– Как это нет? – встрял Дима. – А где второй сапог?

– Да разве это сапоги?! Я ей сто раз говорила, новые надо купить, а она куда-то деньги деваает.

– Может, на наркотики? – Рудько прищурился.

– Не-е, что вы! Я б наркоманку в дом не пустила. Я их знаю...

– У нее есть родственники?

– Какие-то есть.

– Как это какие-то?

– Ну, она с кем-то разговаривала по телефону, но очень тихо, из своей комнаты. – Напрягшись, Федченко выпучила глаза. – Я вообще-то не привыкла интересоваться жизнью прислуги. – Она передернула плечами и искривила губы в подобии улыбки.

– Не привыкли интересоваться жизнью прислуги? – многозначительно переспросил Рудько.

– Ну да... – Женщина переводила заискивающий взгляд с одного полицейского на другого и притопывала, будто ей надо было в туалет. «Хвостом вертеть» она уже перестала. – Прошу вас, не надо протоколов... – Она выдавила скупую слезу. – Я сейчас все соберу...

– Давайте, собирайте, – процедил сержант, с презрением глядя на дамочку. – Будете мне показывать. Я составлю опись имущества. – С этими словами он открыл папку. – У Шумейко были деньги?

– А я откуда знаю?!

– Сердюк, спроси Шумейко, если она в себе... У нее деньги есть?

Сердюк вернулся через минуту.

– С ней нет, а в квартире есть. Она даже в свою комнату не смогла войти. Сказала, что в тумбочке осталось две тысячи шестьсот сорок гривен и Федченко ей должна еще тысячу

пятьдесят.

– Это верно? Вы должны Шумейко тысячу пятьдесят гривен? – спросил Рудько у хозяйки.

Та кивнула.

– Добавьте шестьсот гривен на чистку вещей.

– Да вы что, эти тряпки ни одна химчистка не возьмет!

– И еще дадите на новые сапоги, если второй не найдете. Иначе протокол и суд!

Федченко поджала губы и пошла собирать то, что осталось. Подошел врач скорой помощи:

– Вроде цела, укольчик сделали, успокоили, но проблема все-таки есть.

– Какая?

Врач пожал плечами:

– Я вижу истощение. Говорит, головные боли мучают. Вот что, шеф, мы возьем ее на Братиславскую, пусть там обследуют. Кстати, она сказала, что ее паспорт у вас.

Сержант протянул паспорт:

– Пять минут подождите, сейчас сумку соберут.

– Вот эту? – Врач выпучил глаза на «радость оккупанта», в которую Федченко собирала вещи.

Полицейский кивнул. Врач сунул пятерню под вязаную шапочку и задумчиво почесал лоб.

– Шеф, я-то взять могу, но это никакая больница не возьмет. Выбросят на улицу и еще меня матом обложат.

– Вы не будете против, если я сам отвезу вещи в больницу? – спросил Дима.

– А зачем вам это нужно? – удивился сержант. – Подпишите протокол и езжайте своей дорогой, к вам претензий нет.

– Я хотел бы помочь Шумейко, у нее же тут, как я понял, никого нет.

– Хованский, у вас своих дел нет? – ворчливо, но по-доброму спросил Рудько.

– Товарищ старший сержант, я хочу помочь. И могу. Вот моя визитка. Можете и номер машины записать.

– Хм... Ну, тогда ждите.

– Хорошо.

– Так мы поехали? – спросил врач.

– Да, можете ехать.

– Значит, подождете, пока все соберем? – спросил Рудько у Димы, провожая взглядом машину скорой помощи.

– Подожду.

Сержант снова уткнулся в бумаги.

Через четверть часа Федченко закончила собирать вещи и ушла. Протокол подписали Дима, женщина с колбасой и местный дворник. Дима расстелил в багажнике листы из старого журнала, валявшегося на заднем сиденье, и поставил на них «радость оккупанта». Дамочка вернулась без собаки, с деньгами, справкой о статусе беженца и черным сапогом. Под вешалкой, говорит, стоял.

Полицейские проверили в своей базе машину и права Димы. После этого Дима подписал документ, согласно которому брал на ответственное хранение вещи Шумейко и деньги и обязался все это передать потерпевшей.

– Оказывается, потерпевшая – она, – недовольно пробурчала Федченко.

– Вижу, у вас есть претензии? – осведомился Сердюк.

– Нет-нет, что вы! Я же написала: претензий не имею. Я их не имею, честное слово.

Только вот шестьсот гривен за что? Вещи эти надо выбросить, а не в чистку тащить. Их не примут в чистку.

– Это не ваше дело.

Отправив домой злую как черт собаководелицу и посулив неприятности в подобных случаях, полицейские оставили Диме номер мобильного и уехали. Дима заглянул под машину – вдруг туда что-то попало. И не ошибся – под передним бампером лежала меховая игрушка. Он подстелил под колено листы из журнала и достал игрушку. Это был рыжий меховой лисенок. Он вытер его какой-то блузкой и сел в машину.

В машине он долго смотрел на игрушку.

– Привет... рад тебя видеть. – Он посадил лисенка на переднее сиденье.

Повернул ключ и снова заглушил двигатель.

Он сидел и думал о хозяйке игрушки, о том, что увидел в ее глазах, и о том, что она родилась в восемьдесят восьмом году, самом счастливом в его жизни.

– Меня от нее тошнит! – процедил Тарас сквозь зубы, с грохотом задвинув дверь купе.

– Потерпи, осталось совсем немного, – сказал Дима. – Больше ты ее не увидишь.

– Ты уверен? А обратная дорога? Спальный вагон на весь поезд один, так что шансы возвращаться домой в компании этой проводницы очень высокие. – Тарас лег на свою полку и положил руки под голову. – Вот скажи, за что мы заплатили?

– За комфорт.

– Вот я и хочу комфорта. А где он, этот комфорт? Радио не работает! И это в спальном вагоне фирменного поезда Харьков – Одесса! Я хочу знать, кто победил в конкурсе красоты. Хочу – и все! Имею право. Это же первый конкурс в СССР. А эта корова смотрит оловянными глазами и только руками разводит. Это нормально, да?! – Тарас поднял голову и посмотрел на Диму.

– Это ненормально.

Дима тоже хотел бы знать, кто победил в конкурсе, но эта мысль не была главной. Главной была свадьба. Зачем она нужна? Да еще на двести человек?! Он был против – остальные за. Его родители тоже были против, но сказали об этом только ему и взяли слово, что он их не выдаст. Он настаивал на том, что с его зарплатой в сто восемьдесят рублей не погуляешь, но родители Лены не слушали. А Лена сразу в крик: как это – без свадьбы? Все обидятся! Ага, обидятся! Это ей надо покрасоваться перед родственниками и подружками. Ладно, пусть делает что хочет. Может, он не прав, может, свадьба для Лены в самом деле важна. Кто их поймет, этих женщин... Он был уверен, что к двадцати пяти годам его опыт по женской части довольно богат, но в этот раз пребывал в недоумении.

Первый раз он влюбился в шесть лет. Во взрослую женщину, дедушкину секретаршу. Дедушка был директором проектного института, того самого, где сейчас работал папа, и Дима сейчас там же работал старшим инженером.

Так вот, еще крохой Дима часто ходил к дедушке на работу. Путь был близким, всего один квартал, и безопасным – пролегал он позади домов, где не было машин. Да и какие машины в то время? На весь двор машины были у дедушки и еще одного соседа, директора завода. Дима входил в приемную и с важным видом направлялся к огромной двери кабинета, обитой черным дерматином. Люба, дедушкина секретарша, здоровалась с ним как со взрослым, называла по имени-отчеству, и под удивленными взглядами посетителей он тянул на себя массивную лагунную ручку. А однажды дедушка проводил совещание, и Люба предложила подождать, пока дедушка освободится. В шортиках и панамке, прижимая к груди игрушечную машинку, он забрался на диван и принялся изучать Любу.

У нее были ярко-рыжие волосы, уложенные в высокую прическу, лицо в веснушках, зеленые глаза, алые губы и очень красивые руки, такие, как у мамы, но только с накрашенными длинными ногтями. У мамы таких ногтей никогда не было. У ее подруг, врачей, тоже не было. Люба взглянула на него, и он почувствовал, что краснеет. От волнения он выронил машинку, и она закатилась под стол. Он спрыгнул с дивана, полез за ней – и вдруг увидел округлые колени Любы. «Нашел?» – спросила Люба, заглядывая под стол, а он

уже забыл, зачем там оказался.

Дима вылез из-под стола, не зная, куда деваться от непонятной дрожи в теле. И почему-то ему было стыдно, будто он только что соврал, а его поймали на горячем. Лицо пылало, и от этого он еще сильнее злился на себя. Люба наклонилась, подняла машинку и протянула ему, а он боялся посмотреть ей в глаза. Что он понимал тогда? Он забрал машинку и заявил, что, когда вырастет, женится на Любе. Люба улыбнулась и сказала, что это не обязательно.

Потом он вырос. Были одноклассницы, однокурсницы. Было много девушек до того жаркого воскресного утра, когда в его жизнь вошла Лена.

Лена приехала с родителями к ним на дачу по случаю какого-то юбилея – кажется, окончания мединститута – и еще для того, чтобы попробовать новый сорт только что созревшей клубники. Но начался ливень, и до обеда хозяева и гости сидели на веранде. Лена скованно сидела рядом с мамой на краю дивана. Все в ее облике – робкие взгляды на Диму и сжатые кисти рук – давало понять, что она равнодушна к нему. И Дима начал украдкой рассматривать ее. Она относилась к типу женщин, на которых он обращал внимание: шатенка, полноватая, черты лица настолько правильные, что с нее можно лепить какую-нибудь древнюю богиню. Дима не ощущал особого желания очаровывать ее, но все-таки предложил большой кусок пирога, испеченного мамой. А потом дождь закончился и все пошло в сад собирать клубнику. Вечером, уплетая клубнику со сметаной, Прокопчуки пригласили Хованских посетить их дом на Шатиловке, вернее, дом бабушки. В следующую субботу, даже если будет дождь.

Дождя не было.

Шатиловка – удивительный район в самом сердце Харькова. Съезжаешь с шумного проспекта – и на тебе: частный сектор, зеленый, тихий, воздух свежий, хоть ешь его. Еще поворот – и будто в помине нет города-миллионника.

Кирпичный дом Прокопчуков окружали высокие сосны, а перед ним красовалась клумба около трех метров в диаметре с роскошными розами. В ходе устроенной экскурсии Дима узнал, что когда-то на участке росли помидоры, огурцы и даже картофель. Но после смерти бабушки Ирина Андреевна все перекопала и засеяла газонной травой, привезенной коллегой из Германии. Конечно, не она перекопала – она не любила работу на земле и даже в преклонном возрасте с трудом отличала вишню от яблони, пока на них не появлялись плоды.

Еще в доме жила маленькая собачонка, она все время тьякала и бросалась на гостей. Она и на хозяев бросалась. Лена жаловалась, что она ее кусает не понарошку и чулки всем рвет. До собачонки тут жил боксер. Жил долго, шестнадцать лет, тут его и закопали, предварительно оттяпав голову – из головы потом сделали пепельницу. Пепельница эта стоит у бабушки на работе. Где именно закопан безголовый боксер, Лена не знала, потому что в тот момент сдавала зимнюю сессию. Первое время Лену коробило оттого, что большая собака лежит где-то здесь, под ногами, среди сосен и роз: это же не кладбище, и боксер не котенок. Но вскоре она привыкла. В большой гостиной висело фото этого боксера – красавец, вся грудь в медалях, – но Дима к собакам был равнодушен. Он никогда не жил в частном доме, и мама говорила, что держать в квартире собаку нельзя, что это антисанитария, вот и получилось, что у Димы никогда не было пса...

Клумба поражала ухоженностью – розами занимались Лена и Тамара Николаевна. Ирина Андреевна только нюхала и срезала.

– Вот это, – Лена показала на нежно-розовый цветок в центре клумбы, – одна из самых дорогих роз в мире, «Пьер де Ронсар», любимый цветок актера Луи де Фюнеса. Луковицу

бабушке подарил зампредседателя КГБ.

– Одна из самых дорогих? Я бы в жизни тут не посадил, спереть могут.

– Вообще-то у нас не воруют, – с гордостью заявила Лена. – А вот это, – она указала на бордовый цветок бархатисто-черного оттенка, – любимая роза бабушки, «Блэк Баккара».

Дима слушал и потихоньку ревновал. Ему хотелось, чтобы с такой же страстью она говорила о нем, а не о розах. Он задействовал все свое обаяние, и Лена, будто под действием гипноза, умолкла и опустила глаза. Дима взял ее за руку, отвел в сторонку и поинтересовался, свободна ли она завтра вечером. Она бросила быстрый взгляд в сторону беседки, в которой сидели их семьи, и прошептала: «Да».

Через три недели она отдалась ему, и он принял этот подарок. Это действительно было подарком, потому что впервые он не добивался девушки, а позволял себя любить. В нем проснулось что-то новое, и он определил это как взрослость и, наверное, мудрость. Он не думал о Лене со страстью, он думал о ней как о матери своих будущих детей. О верной жене, которая вечером встретит на пороге дома, о хорошей хозяйке, которая вкусно готовит и заботится о чистоте и уюте, а он любил чистоту и порядок – мама приучила.

Лена даже в чем-то была похожа на его маму – не внешне, а в привычках. Она запасалась сахаром, солью, крупами, консервами, макаронами – всем, что могло долго храниться, не выбрасывала зачерствевший хлеб, а кормила птиц, бережно относилась к вещам, не была модницей, но одевалась дорого и добротно – ее родители потешались над такой привычкой дочери и, конечно, гордились, называя ее запасливой белочкой. Она не была транжирой, не была скупой – она была расчетливой, и это Диме тоже нравилось. Он ни с кем не делился своими мыслями, но после объявления дня свадьбы двоюродный брат Лены, Тарас, сказал, что Дима сделал правильный выбор. «Ленка надежна, как весь гражданский флот», – заключил он.

И это было чистой правдой. Диме нравилось, что для Прокопчуков, как и для его семьи, самое главное – благополучие, достаток и уверенность в будущем, настолько, насколько оно может зависеть от человека. Их родители смогли найти общий язык – общались как можно реже, – а вот бабушки не общались вообще, встретились на свадьбе – и все.

На первый взгляд, Ирина Андреевна была обычной старушкой, окруженной розами. Но только на первый. Дальше впечатление менялось, будто крутили калейдоскоп и с каждым поворотом выбрасывали пестрые стеклышки. Пока не остались только черные и серые. Папа Димы недолго любил Ирину Андреевну, считал, что кагэбист – это диагноз. Он был прав: было в ней что-то холодное и недосказанное. Она много курила, выпуская дым прямо в лицо собеседнику, и смеялась, как Фантомас, если это кряхтенье можно было назвать смехом.

Одна комната в ее доме была завалена чуть ли не до потолка импортной одеждой, обувью, магнитофонами, видеокамерами. А какие шубы там висели! Лена говорила, что это конфискат, что его выдают в качестве премии за хорошую работу, что бабушка продает все это за бесценок и тратит на жизнь – зарплаты в КГБ просто смешные. Дима в такие сказки не верил, а вскоре его неверие подтвердилось: один сотрудник рассказал, что на Шатиловке живет старая кагэбистская сволочь (фамилии не назвал), которая продала ему видеокамеру с таким видом, будто совершила акт благотворительности. Через неделю он зашел в магазин, а там такая же камера за те же деньги, только с гарантией.

Еще Лена говорила, что бабушка вцепится в глотку любому, кто посягнет на благополучие семьи. «Твоя мама тоже вцепится», – подумал Дима: будущая теща была очень похожа на свою маму. И обе были похожи на боксеров. У обеих женщин нижние челюсти

были тяжелые и широкие, так что легко можно было представить, как они впиваются в чью-нибудь глотку. Дима однажды видел в кино, как два боксера вцепились медведю в шею, и тот ничего не мог с ними поделать – они висели, как гирлянды. Медведь рычал, раскачивался, пытался их сбросить – все было бесполезно. Подошел охотник и выстрелил ему в голову.

Хорошо, что Лена похожа на папу.

Бабушки Димы, ныне покойные, тоже могли постоять за семью, но они носили яркие платья, обе пережили голод и ненавидели все мрачное, будь то мысли или одежда. Они обе курили, но дым в лицо не пускали. И еще обе вязали. О! Какие свитера, какие уютные носки, хранящие тепло бабушкиных рук, спасали Димины ноги в лютый мороз!

Незадолго до свадьбы стало ясно, что еще немного – и молодые разругаются вдрызг: нормальный мужчина не может вынести многодневное безумие вокруг одного-единственного дня, наполненного дурацкими ритуалами. Взять хотя бы свадебное платье – Лена и ее мама потратили уйму сил, чтобы достать ткань, кружева, фату... Тогда все это можно было только достать. Потом они месяц ходили к портнихе, что-то переделывали, докупали, доставали, и все это сопровождалось истериками и слезами Лены. О туфлях и говорить нечего – их привезли из Москвы, три пары. Подошли одни, остальные у Лены оторвали с руками.

А обряд похищения невесты? Его репетировали тайком от Димы! Дима умолял: не надо этого идиотизма, он уже наблюдал такое на свадьбе однокурсника, видел прыжки и ужимки крепких родственниц невесты, хмельных не столько от выпитого, сколько от усталости. А прятанье невесты за их могучими спинами и выколачивание денег из жениха? А чего стоило свидетелю питье водки из тубельки невесты под ржание выпивших гостей? У свидетеля было такое лицо, будто его сейчас вырвет, хоть он и был выпивши. Жениху совали в лицо сковороду, чтобы целовал! Из прекрасного ритуала соединения двух любящих сердец свадьба трансформировалась в обжорство, пьянство, танцы под музыкальную какофонию в ресторане, массовую драку с битьем посуды. Весь этот омерзительный спектакль утвердил в Диме мысль: у него свадьбы не будет. Расписались – и все! Посидели в кафе с родителями и свидетелями – и хватит.

Поэтому предложение Лены пару недель отдохнуть в санатории его обрадовало: наконец-то они отдохнут, наберутся моральных и физических сил, – день свадьбы выстоять-то надо! С прошлого отпуска осталось десять неиспользованных дней, он прихватит еще четыре выходных – вот вам на полноценную путевку. Путевки в санаторий обеспечивал будущий тесть, ответственный партработник. И вдруг – Лена не едет! А едет Тарас. Как, почему?

– Влюбленным разлука только на пользу, – проворковала Леночка.

Мол, ему нужно хорошо отдохнуть, чтобы с новыми силами ехать в свадебное путешествие в Болгарию, а она продолжит подготовку к свадьбе.

Дима думал две ночи и согласился. К тому же Тарас не был занудой, как большинство друзей Лены, дети номенклатурных работников. Заносчивые, самодовольные, они доводили Диму до бешенства, и он, бывало, конфликтовал. До драки. Но детки номенклатуры не дрались, они брызгали слюной и грозили всемогущим папиком или мамашей. Грозили не очень уверенно – время уже было не то, перестройка.

Дима с первой встречи нашел общий язык с Тарасом. Однажды он провожал Лену и, как обычно, они целовались в подъезде. И вдруг сверху крик:

– Ой! Сестричка! А ну, покажи-ка мне лучшего парня Харькова!

Дима задрал голову. Перегнувшись через перила, на них смотрел светловолосый

упитанный блондин. Его пестрый и широкий, по последней моде, галстук качался туда-сюда, пугая Диму – парень вполне мог кувыркнуться через перила и камнем полететь вниз, на мозаичный кафельный пол.

– Тарас, прекрати! – крикнула Лена.

Но тому явно доставляло удовольствие дразнить ее. Он еще наклонился, и галстук еще больше закачался. Под громкий раскатистый смех Тараса Лена побежала наверх, схватила его за шиворот, сказала, что он дурак и что она пожалуется дяде. Тут подоспел Дима и протянул ему руку.

– Наконец-то мы познакомились! А то только и слышу: «Мой Димочка, мой Димочка!» – Тарас виртуозно увернулся от ладошки Лены, направленной на его пухлую щеку, и засмеялся: – Вот так она и тебя будет дрессировать!

Вагон дернулся и вернул Диму к реальности.

– Подъезжаем, – констатировал Тарас, глядя в окно.

Дима стащил с подушки наволочку.

– Ты что делаешь?! – воскликнул Тарас.

– Как что? Постель собираю...

– Ты ее стелил? Деревня, – Тарас незлобиво усмехнулся, – ты в спальном вагоне! Эта корова все сделает.

Дима сконфуженно потер лоб и сел.

Он же сразу, как только вошел, понял, что спальный вагон – *другой*. Не плацкартный и не купейный. Здесь все было *другим*. Здесь не пахло прелым бельем, не надо было оттирать полотенце от наволочки – все уже постелено! А то, что постелено, хрустит и благоухает. Уголок белоснежного пододеяльника кокетливо загнут, приглашая пассажира раздеться и лечь на две пышные подушки – это вместо одной, свалявшейся, на которых спят в купе и плацкартном. Тут же, на пододеяльнике, лежит аккуратно сложенный клетчатый шерстяной плед, а не кусачее одеяло, воняющее грязными носками, которое с апреля по октябрь, в так называемое теплое время, надо унизительно клянчить у проводницы. Окно открывается, а не запечатано на зиму, то бишь навеки. А на столе – Дима даже глаза протер – маленькая вазочка с тремя крошечными гвоздиками.

Но все это чепуха в сравнении с тем, что в вагоне действительно ничем не пахнет! Здесь почти не пахнет креозотом, а ведь им пропитаны шпалы. Не пахнет пылью и туалетом, но легкий запах угля от котла с кипятком был, и это приободряло, а то Дима не чувствовал себя в поезде. Но даже в такой санитарной обстановке он не умывался и не чистил зубы. В поездах он этого никогда не делает: мама еще в детстве объяснила, что водичка вытекает из краника, если его толкнуть вверх. А чем его толкают? Грязными руками, после туалета... Так что на кранике столько всякой грязи, что страшно представить. Дима с тех пор удивляется, увидев в руках попутчиков зубную щетку и пасту, – неужели они не понимают таких простых вещей?

В дверь постучали.

– Входите! – сказал Дима.

– Явилась, – недовольно хмыкнул Тарас, скрещивая руки на груди.

– Билеты нужны? – буркнула проводница.

– Нет, – ответил Дима.

Проводница исчезла. Поезд еще раз дернулся, лязгнул и остановился.

– Все, приехали. – Тарас снял обручальное кольцо и сунул в карман куртки. Потом встал и посмотрел на себя в зеркало. Хмурясь, пригладил редкие волосы и вздохнул: – Через пару лет я буду лысым, как папик.

– Квартира у моря... Квартира у моря... – доносилось с перрона.

Море было далеко.

– Сидим и ждем, – сказал Тарас, поправляя воротник рубашки, – за нами придут. Если тот же шофер, что встречал нас с Людкой в прошлом году... – Он досадливо мотнул головой. – Это ужас! Он всю дорогу рот не закрывал, у меня даже голова разболелась, а жене хоть бы что, слушает, хохочет... Она меня так никогда не слушает.

Раздался стук в дверь.

– Входите!

Дверь отъехала в сторону, и в проеме появился бравого вида мужик лет пятидесяти.

– Доброе утро, парни! – улыбаясь во весь рот, пробасил он. – Кто из вас Тарас Игоревич?

– Я.

– А вы, стало быть, Дмитрий Семенович?

Дима кивнул.

– Это все вещи? – Он протянул руки к двум сумкам, стоящим на полках.

– Все, – ответил Тарас.

– Поторопитесь, ребята, мне приказано доставить вас к завтраку.

Он схватил сумки и, немного косолапя, пошел к выходу.

– Это другой шофер, того, наверное, за болтовню выгнали, – сказал Тарас и вздохнул: – В стране грядут большие перемены, если шофер санатория так выглядит. Это печально...

Да, действительно, вид у шофера был непрезентабельный: воротник его когда-то белой рубашки был нещадно истрепан, брюки так давно не гладились, что не осталось даже намека на стрелки, а обут он был в стоптанные сандалии на босу ногу. Правда, от него пахло хорошим одеколоном, он был аккуратно пострижен, выбрит и сиял белозубой улыбкой. Пройдя вокзал насквозь, он свернул направо, остановился у белой «Волги», открыл багажник и поместил в него сумки.

– Включите радио! – властным тоном сказал Тарас, устроившись на переднем сиденье.

Вскоре они узнали, что в конкурсе красоты победила девушка, которая им обоим совсем не нравилась.

К их радости, шофер оказался молчаливым: они не выспались. Дима вообще в поездах спать не может – в отличие от Лены, тряска и лязг колес его не убаюкивают, Лене же стоит коснуться головой подушки – и можно из купе все выносить, включая ее. Однажды у нее вот так дубленку украли, в спальном вагоне, – в других она не ездила. Вызвали милицию, никого не выпускали из вагонов – и что? Ничего. Мама достала другую, еще лучше.

* * *

– Вот вы и на месте, – сказал шофер, въезжая в ворота санатория, открытые охранником. – Ваш корпус весной отремонтировали, новую мебель поставили.

Машина обогнула газон, на котором живописно были расставлены греческие амфоры и лежали два жирных кота, свернула влево, и в просвете неожиданно появилось море. Дима ахнул.

«Волга» остановилась у белого трехэтажного особняка с колоннами, вход в который охраняли два спящих каменных льва.

– Наш люкс с той стороны, с видом на море, – сказал Тарас.

Дверь со сверкающей латунной ручкой, точь-в-точь как на дедушкиной двери, открылась, и на крыльце появилась женщина лет сорока. Если бы не белый халат, по ее походке и осанке Дима решил бы, что она служит в армии. Стуча каблуками так, будто проверяет ступени на прочность, она направилась к ним:

– Доброе утро! Как доехали?

– Спасибо, Антонина Денисовна, – ответил Тарас, – хорошо доехали! А вы все так же очаровательны. Моя семья передавала вам большой привет.

– Спасибо. – Женщина провела ладонью по гладким коротким волосам, закрепленным невидимками на висках и за ушами, повернулась к Диме и утвердительно сказала: – А вы Дмитрий Семенович.

– Так точно! – вырвалось у Димы.

Женщина и бровью не повела.

– Я комендант первого корпуса Антонина Денисовна. Сейчас мы поднимемся в номер, а потом я отведу вас в столовую и вы позавтракаете.

– Я знаю, где столовая, – возразил Тарас, – сами доберемся.

– Нет, Тарас Игоревич, порядок есть порядок.

Машины уже и след простыл, а сумки стояли на дорожке.

– Прощу за мной. – Антонина Денисовна начала подниматься на крыльцо. Каблуками она уже не стучала, а поднималась на носочках. Это выглядело кокетливо.

Тарас и Дима, взяв сумки, последовали за ней. Тарас толкнул Диму локтем и поднял вверх большой палец. Тот не понял, что он имел в виду: ситуацию вообще или фигуру коменданта, и пожал плечами.

Вдруг входная дверь распахнулась и из нее выбежала девушка в пестром сарафане, с холщовой сумкой на плече и картонной папкой – в таких продают ватман формата А4. Девушка споткнулась, чудом сохранив равновесие, но папку из рук выронила. Папка раскрылась, и из нее веером посыпались рисунки. Тут же из двери выскочил коренастый мужчина. Увидев Антонину Денисовну, он остановился и, показывая на девушку, с возмущением воскликнул:

– Вот! Снова! На том же месте!

– Я запретила вам сюда приходить! – возмущенно закричала комендант.

– Вы не имеете права запрещать! – огрызнулась девушка. Она бросила на крыльцо пляжную сумку и принялась собирать рисунки. – На каком основании запрещен вход в первый корпус?!

– На том основании, что вы живете в четырнадцатом!

– И что? Не имею права заходить в другие корпуса? Я же не ночевать пришла, – ехидно добавила она.

– Этого еще не хватало! – процедила комендант сквозь зубы.

Дима поставил сумку и поднял два листка, упавшие к его ногам. На одном акварелью была нарисована женщина с рыжим котом на руках, очень похожим на тигренка. Она сидела на скамейке у сельского дома, над ее головой, в распахнутом окне, стояла трехлитровая банка с сиренью. Таких домов с маленькими окошками и скамейками под ними было полно в маминой деревне. На другом рисунке он увидел беседку с колоннами, увитыми розами.

Дима протянул рисунки девушке. Она посмотрела на него и на мгновение испуганно отпрянула, а потом вырвала листы из его рук и сунула в папку. Схватила сумку и, спустившись с крыльца, зашагала прочь от корпуса.

– Не наш фасон, – прошептал Тарас, глядя ей вслед. – Мы выберем самое лучшее.

– Выберем? – удивился Дима. – По-моему, мы оба уже выбрали.

– Брось, здесь мы холостяки... Не тушуйся, если что, я Ленке ничего не скажу, и ты моей Людке ничего не говори. – Тарас заговорщически подмигнул и вошел в дверь. – Антонина Денисовна, – громко спросил он, – а что натворила эта... в сарафанчике?

– Ей, видите ли, понравился вид на море с чердака моего корпуса, – не оборачиваясь, ответила комендант. – А если бы ей понравился вид из моей спальни, я что, должна пустить ее туда? Художницу из себя корчит! Пусть рисует то, что видит из своего окна! Да и никакая она не художница. В моем корпусе всегда останавливается лучший московский портретист Михайлов – вот он художник, он все наше правительство рисует. А эта? Познакомиться ей надо с кем-то из моих жильцов, вот и вся ее забота!

Антонина Денисовна отперла дверь номера и вручила им по ключу.

– Устраивайтесь – и на завтрак. Я буду ждать внизу.

Трехкомнатный люкс превзошел все ожидания. В том смысле, что был на редкость безвкусным. Стены и потолок изобиловали узорчатой лепниной, почему-то окрашенной золотой краской: приклеившись крылышками к потолку, по углам и вокруг люстры висели пухлые амурчики. В пухлых золотых ручках они держали гипсовые золотые луки и целились в Диму золотыми стрелами. Добротный паркетный пол был покрыт пестрыми коврами и ковровыми дорожками, на окнах – тяжелые парчовые портьеры и гипюровые гардины. Массивное старинное зеркало в позолоченной раме, занимавшее полстены напротив кожаного дивана в кабинете, говорило о вкусах начальника хозчасти санатория или какого-нибудь партийца, который любил здесь останавливаться. Среди всего этого торчали углы полированной мебели из ДСП – новой, но с уже покосившимися дверцами. На огромном балконе стояли кресло-качалка, три стула и круглый деревянный стол, покрытый кружевной скатертью. В спальнях, расположенных по обе стороны от гостиной, интерьер был получше: мебель там была дубовая – и широкие кровати с резными изголовьями, и тумбочки, и трельяж, и шкафы.

– На кого рассчитан этот номер? – спросил Дима. – На две семьи?

– На мужа и жену, которые страшно надоели друг другу, – хмыкнул Тарас.

Никакого намека – ни цветовой гаммой, ни какими бы то ни было безделушками – на то, где женская спальня, а где мужская, не было – они были одинаковы во всем, даже в цвете покрывал. И в окнах тихонько жужжали кондиционеры! Обе ваннные комнаты, расположенные за спальнями, были белыми, как больничный санпропускник, белыми были полотенца, халаты, тапочки и подушки на плетеных ротанговых креслах.

Пройдясь по номеру, Дима вернулся в гостиную. Тарас щелкнул выключателем, и хрустальная люстра ярко вспыхнула. Отразившись в зеркале, свет ударил в глаза и слился с солнечным.

– Выключи, – попросил Дима, склоняясь над телефоном. – У меня такое чувство, что мы с тобой – ответственные работники на пенсии.

– Мы с тобой наследники ответработников, – уточнил Тарас и вышел на балкон. Он сел в кресло-качалку и закинул ноги на перила. – Моя спальня правая, ладно?

– Ладно, – ответил Дима. – Привет, – сказал он, услышав в трубке голос мамы. – Мы уже

на месте.

– Мальчик мой, будь осторожен! В воду сразу не входи, в июне она еще холодная. Если заболит горло...

– ...я тебе позвоню, – засмеялся Дима. – Ты так говоришь, будто мне пять лет.

– Для меня ты навсегда останешься ребенком, – серьезно сказала мама. – Не пей воду из-под крана, можешь отравиться, и весь отдых пойдет насмарку. Если заболит желудок...

– ...я сразу позвоню тебе! – отрапортовал Дима.

– Правильно, – мама вздохнула.

– Не волнуйся, все будет хорошо.

– Как я могу не волноваться? – воскликнула она. – Вот будут у тебя свои дети, тогда поговорим. Будь благоразумным. Звони каждый день.

– Хорошо. Привет папе.

– Ты звонил Лене?

– Нет еще.

– Не забудь позвонить. – В голосе мамы звучала гордость: все-таки ей он позвонил первой.

– Эй, передай привет Ларисе Алексеевне! – донеслось с балкона.

– Ма, Тарас передает тебе привет. Спасибо, я ему тоже передам.

Дима набрал рабочий номер Лены:

– Мы на месте, все очень красиво. Спасибо, милая.

– Я знала, что тебе понравится. Я уже соскучилась.

– Я тоже соскучился по тебе.

– Набирайся сил, дорогой, они тебе скоро понадобятся, – игриво сказала Лена.

– Конечно понадобятся... – в тон ей произнес Дима. – Я вечером еще позвоню.

– Тебе от всех привет, – сказал он Тарасу, выйдя на балкон.

– Спасибоочки. – Тарас шумно втянул носом воздух и встал с кресла. – О море, узнаю тебя! Ты только посмотри, какой вид! – Он развел руками. – На всем побережье нет лучшего места, уж поверь мне. Везде равнина, а тут скала. Сказка! Наша партия знает, где хорошо!

Действительно, вид был то что надо. От корпуса до обрыва вела широкая дорожка длиной метров пятьдесят с кустами бордовых роз по обе стороны. Она заканчивалась у открытой римской беседки из белого мрамора. Когда-то на ней, видимо, был купол, но сейчас остался только металлический каркас. Беседку окружали кусты белых роз, а за ней, над обрывом, в обе стороны тянулись белые перила с пузатыми грушеподобными балясинами.

– Она рисовала эту беседку, – сказал Дима.

– Кто?

– Девушка в сарафане.

– Замечательно! Ну, ты готов?

– Я? Всегда готов.

– Тогда идем набивать желудки.

Дима отнес сумку в свою спальню, вымыл руки, ополоснул лицо, надел чистую рубашку и вышел вслед за Тарасом, напевавшим: «Без женщин жить нельзя на свете, нет!»

– Здесь лифты на пляж, – комендант показала на железобетонное кубическое сооружение без окон с крытой террасой наверху через лужайку от корпуса. – Лифты

работают до десяти вечера, после десяти с пляжа можно подняться только по лестнице, выдолбленной в скале, вы увидите ее. – Комендант взглянула на Диму. – Но режим санатория требует, чтобы пациенты возвращались в номера до десяти часов. Конечно, могут быть исключения, но лучше этим не злоупотреблять. После завтрака я принесу санаторные книжки, в них указаны номера ваших лежаков на пляже: одиннадцатый и двенадцатый в первом ряду.

По дороге в столовую Антонина Денисовна рассказывала о природных богатствах санаторского парка, и Дима только успевал крутить головой. Тарас из вежливости тоже иногда посматривал по сторонам. На повороте из-за пихты вышли две девушки. Увидев их, Тарас приподнял узкие, по последней моде, солнечные очки и шепнул:

– Вот настоящее богатство санатория...

Поравнявшись с ними, одна девушка кокетливо улыбнулась, и он водрузил очки на место. Скорее всего, именно ее, платиновую блондинку, он назвал «богатством».

Послышался плеск воды, и они вышли к двухэтажному зданию с фонтаном перед входом.

– Здесь столовая, библиотека и клуб, – сказала дежурная и повела их вверх по лестнице.

Они вошли через стеклянные двери и поднялись на второй этаж. Слева, на шпонирующей двери, висела табличка с надписью «Библиотека», а справа находилась столовая, это было ясно по запаху. Но дежурная прошла мимо входа в столовую дальше, в конец широкого коридора. А там толкнула массивную коричневую дверь.

Помещение с видом на море, в котором они оказались, напоминало не столовую, а зал ресторана: около трех десятков столиков на двоих и четверых были покрыты белыми скатертями. Вдоль стен – фикусы в кадках, аквариумы, на подоконниках – горшки с цветами, на каждом столике – вазочка с розочкой. Розочки были разного цвета.

– Ваши места, – Антонина Денисовна указала на два полукресла возле столика у окна, между фикусом и аквариумом, с бордовой розочкой. – Ваш официант.

Дима обернулся и увидел мужчину в белом пиджаке и черных брюках.

«С таким лицом надо в КГБ работать, а не салаты разносить», – подумал он и сел в полукресло.

Весь завтрак, всю дорогу до корпуса, да и пока раскладывал вещи, Дима не переставая думал о художнице и злился на себя. Да что с ним такое?! Он уже, считай, женат, его невеста в тысячу раз лучше – тут он почему-то остановился, – а эта девушка из себя ничегошеньки не представляет: самая обычная, в простеньком сарафане, без маникюра, без косметики. Он неожиданно для себя улыбнулся, подумав, что если поцеловать ее, то на губах не будет вкуса помады, а пудра не будет щекотать нос. Как только он переделся в шорты и футболку, пришла Антонина Денисовна с санаторными книжками.

– Мы же не будем ходить на лечебные процедуры? – Вопрос Тараса прозвучал почти как утверждение.

– Делайте, как считаете нужным.

– Спасибо.

– Пожалуйста.

Комендант попрощалась и ушла.

– Массажем и жемчужными ваннами мы займемся на пенсии, – сказал Тарас. – Пойдем искупаемся, сейчас время процедур, так что до обеда на пляже никого не будет.

Они спустились на лифте, прошли по тоннелю и оказались на пляже из четырех карт метров по пятьдесят каждая, усыпанных мелкими камешками и разделенных бунами. Пляж был искусственным. Когда-то здесь был крутой обрыв, но скалу взорвали, образовавшуюся площадку разровняли, скрепили металлическими балками, залили бетоном и соорудили навес. А под ним поставили четыре ряда лежаков: двадцать пять в первом ряду и по пятьдесят в остальных. Первый ряд был привилегированным: мало того что на каждом топчане лежал шерстяной плед и поролоновый матрац в нейлоновом полосатом чехле – такой Дима видел только в зарубежных фильмах, так еще рядом с топчаном стоял небольшой деревянный столик.

Пляж действительно был пуст, только две кошки – видимо, тут кошачий рай – и одна собака мирно лежали в тени, прижавшись спинами к бетонной стене. Дима снял шорты и майку и по ступенькам спустился к морю.

– Это тебе не Фонтанка, – сказал Тарас, – даже в разгар дня тут плещется не более пяти человек.

– Почему?

– Да потому что сюда приезжают только старички. Им не до моря, они свою подагру в жемчужных ваннах греют.

Он разбежался и нырнул. Дима последовал за ним.

Вдоволь наплававшись, они устроились на лежаках. Дима не заметил, как задремал.

Разбудил его смех. Он открыл глаза и увидел двух девушек, тех самых, которых встретили по дороге в столовую.

– Девочки, мой друг проснулся! – воскликнул Тарас, и девушки уставились на Диму.

«Богатство» санатория, платиновая блондинка с длинными прямыми волосами, разделенными пробором пополам, была в красном бикини и с массой пестрых украшений: гирлянда ярко-красных крупных бус, три золотых кольца, пластмассовые красно-белые браслеты и золотые кольца-серьги длиной почти до плеч. Наверняка она считает себя эталоном красоты, но на самом деле ничего особенного: свои недостатки она пыталась скрыть тушью, тенями, помадой и румянами. Она сильно переборщила и на залитом солнцем пляже выглядела нелепо – нанесла на веки так много темных теней, что ее можно было прямо сейчас снимать в немом кино, не хватало только мундштука с тлеющей папироской. Она все время убирала пряди, спадавшие на лицо, и любовалась своими руками: то гладила, то массировала – выставляла напоказ. Руки были ухоженные, маникюр – свежий. Только колец многовато. Ноги тоже были ухоженными. На Диму она не смотрела, а скользила по его лицу быстрыми взглядами-мазками.

«Надо сказать ей, чтобы убрала пряди за уши и успокоилась», – подумал Дима и перевел взгляд на другую девушку.

Ее подруга, коренастая шатенка в закрытом купальнике, скромно стояла в метре от лежаков. Она явно была из тех, что сами себя стригут, шьют и вяжут для себя и считают, что внешность для женщины не главное, что маникюр и педикюр не обязательны. Они довольно умны, всегда чем-то заняты, куда-то спешат, в транспорте читают философскую литературу, на вопросы отвечают односложно и тяжело сходятся с людьми. Наверняка она понимала, что ее роль – оттенять блондинку. И что блондинка – единственный мостик между нею и парнями. Может, что-то и ей перепадет.

– Девочки, знакомьтесь, это Дмитрий Хованский, человек с большим сердцем и не менее большим будущим.

Дима кивнул:

– Дмитрий.

Блондинка взмахнула ресницами и убрала с лица прядь волос:

– Светлана.

В ее голосе звенел металл, будто говорил не человек, а робот. Однажды Дима прочел, что по голосу можно распознать, искренний ли человек перед вами. У искреннего голос идет из груди, тембр меняется и он ласкает слух переливчатостью и глубиной. А у неискреннего идет из головы, и создается впечатление, будто у него сдавило горло.

– А ты волосы за уши спрячь, чтоб не мешали, – посоветовал Дима и повернулся к другой девушке.

– Анна, – пропела шатенка.

Ее мягкий тембр был приятен для слуха.

– Очень приятно.

Он солгал – было не очень приятно. Вернее, было неприятно. Зачем они здесь? Он бросил на Тараса недовольный взгляд, но тот уже заливался соловьем. Тарас обожал, когда ему заглядывали в рот. И была причина – он знал не только много баек о харьковских и столичных знаменитостях, но и так рассказывал анекдоты, что народ покатывался со смеху. Аня слушала и улыбалась краешком рта, Света ахала и охала, при этом оставаясь напряженной.

– Расслабься, Светланка! – Тарас приобнял ее.

Она не убрала его руку и вопросительно посмотрела на Диму. Дима принялся изучать горизонт. Увы, довольно часто ему попадались женщины, похожие на Свету. Это не значило, что у них были такие же волосы и жесты, та же привычка отбрасывать пряди с лица, будто играя в прятки, и так же говорить. Напротив, внешне они могли быть полной противоположностью, но внутренне были близнецами, а Диму всегда интересовал внутренний мир женщины, – это у него было от отца. Внешность, конечно, тоже имела значение, но только в первые минуты, чтобы глаз выхватил девушку из толпы. А потом бывало по-разному, но еще никогда ему не везло так, как папе.

«Я просто обязан украсть телефонную будку, ту, что возле литерного дома напротив вокзала, вторая слева. В ней я первый раз увидел твою маму. Я вошел в будку рядом, хотел позвонить, но увидел твою маму и обо всем забыл. Кому звонить? Зачем? Я пялился на маму, как дурак. Она улыбнулась, и вдруг в ее глазах сверкнул яркий огонь. Такой яркий, что я зажмурился, а когда открыл глаза, твоя мама уже стояла в розовом свете. – Папа прокашлялся и покосился на маму. – Любимая, у меня был очень дурацкий вид? – Мама опустила глаза, улыбнулась и ничего не ответила. – Так я влюбился, на всю жизнь. Твоя мама удивительная женщина, живу и удивляюсь каждый день – за что мне так повезло? Дорогая, а ты не жалеешь, что выбрала меня? – Мама снова улыбнулась. – Вот, смотри, сынок, та самая улыбка!»

Дима радовался за родителей и мечтал утонуть в чьих-то глазах. Мечтал увидеть такую улыбку, чтобы забыть обо всем на свете.

Но пока не увидел. Возможно, вообще никогда не увидит.

Дима снова посмотрел на Свету. От этой получишь только неприятности, а Тарас уже влип – он только ей рассказывал анекдот, будто ни Ани, ни его рядом не было. Вот дурак! Со Светой вообще лучше не связываться, даже если станет совсем тоскливо. Она из тех, кто сначала бросает короткие призывные взгляды, а потом старается остаться с мужчиной

наедине. Когда это случится, она предложит искупаться при луне, а после купания ляжет на камешки и томно изогнется. Когда мужчина начнет ее целовать, она будет сопротивляться и говорить: «Ах! Нет, нет». Мужчина встанет, возьмет свои джинсы, но она яростно вырвет их из его рук и отдастся тут же, на камнях.

Следующие дни будут похожи на американские горки: то она будет тащить его в номер, то после любовных утех закатит истерику, что он не любит ее, а только развлекается, что они скоро расстанутся и никогда больше не увидятся. В конце концов мужчина скажет, что это правда, что у них всего-навсего короткий курортный роман. Полдня она не будет его замечать, а потом придет Аню (Маню или Таню) с запиской. Вот здесь надо устоять и не идти на свидание. Потому что если пойдешь, то сразу начнется преследование с угрозами и обмороками. Как-то одна девушка пришла к Диме домой и сказала, что, если он не согласится прийти на свидание, она покончит с собой. Мама была дома и тихонько вызвала скорую. Скорая приехала быстро.

– Мы повезем вас в пятнадцатую, – сказал врач с грустным лицом.

– Куда?

– В психиатрическую... Вы же хотите покончить с собой, да?

Девушка решила, что это шутка, но мама в таких случаях шутить не любит, и девушку отвезли в психиатрическую клинику.

Больше она не приходила.

А вот Тарас любит подобные «развлечения» и с удовольствием пускается в них, говоря: «Даже если Люда снимет меня с женщины, я скажу, что это неправда. И она мне поверит, потому что очень хочет в это верить».

Дима думал об этом и смотрел на воду, как вдруг его внимание привлекла девичья фигура, залитая солнцем. Это была та самая девушка, в сарафане, с той же папкой под мышкой. Дима почувствовал, что краснеет. Боковым зрением он увидел, что Света посмотрела сначала на девушку, а потом на него.

– Явление великой художницы народу! – с насмешкой выдавила она. – Аня, сделай что-нибудь, чтобы она отстала.

Но девушка и не думала приставать к ним. Она помахала рукой и прошла вглубь пляжа на последний, четвертый ряд.

– Вы ее знаете? – спросил Тарас.

– Это Настенька, – ответила Света, подражая детскому голосу, – повариха в детском саду. А я имею счастье жить с ней в одном номере.

– А почему ты говоришь с такой иронией? – не унимался Тарас.

– Да потому, что у нее мозги не на месте, – пояснила Света, коротко взглянув на Диму.

– Ну что ты выдумываешь? – В голосе Ани звучал укор. – Она нормальная девчонка.

– А, ладно! – поморщившись, махнула рукой Светлана. – Нам что, больше говорить не о чем? Я ее знать не знала и, когда домой вернемся, общаться не намерена.

– А откуда же вы, красавицы? – поинтересовался Тарас, глядя на Свету.

– Из Сум.

– О, Сумы! – Тарас поднял вверх палец. – Я давно хотел узнать, почему Сумы – это Сумы, а не... ну, не знаю. Откуда такое название? Наверное, там все с сумками ходят, вот с такими большими, – он развел руки в стороны, – в поисках дефицита!

– Я с сумками не хожу, – отрезала Света.

– Вы почти угадали, – Аня растянула губы в вежливой улыбке, – существует легенда, что

город построен на золото, найденное в трех сумках.

– Это как?

– Казаки нашли три сумки с золотом – их вроде бы потеряли курьеры Богдана Хмельницкого. Решили, что это Божье благословение, и построили на том месте крепость. На первом гербе нашего города изображены эти самые сумки.

– Очень познавательная история! – воскликнул Тарас.

– Я иду купаться. – Дима бросил на лежак темные очки и пошел в воду. Ему не хотелось слушать пустую болтовню. Ему хотелось к Насте. Его тянуло к ней. Он надеялся, что она пойдет купаться.

Направляясь к воде, он поигрывал мускулами и старался выглядеть красивее Аполлона Бельведерского. И еще он чувствовал что-то новое, непривычное и необъяснимое. У него сжалось в груди и пересохло во рту, он был как натянутая струна, вот-вот готовая лопнуть.

Настя расстелила полотенце на лежаке и сняла сарафан. Посмотрела на пляж и вспомнила слова нового заведующего: «Используй путевку на все сто. Ходи на все процедуры, плавай не менее пяти раз в день, и обязательно раненько утром, до завтрака. Ты должна быть здоровой, у тебя особая работа». Да... Работа у нее действительно особая – такого премерзкого заведующего с липким взглядом свинячьих глазок еще поискать! После встречи с ним хочется вымыться, будто он не смотрит, а ощупывает пухленькими ручками с толстенькими бабскими пальцами. Но вообще-то ей грех жаловаться на работу – радоваться надо, что общежитие дали, что надбавка к окладу есть, что на квартирный учет поставили. И на такой курорт отправили! У других девчонок этого и в помине нет. Настя собралась с духом и пошла к морю. Попробовала воду ногой – холодная! – и, все сильнее сжимая кулаки в надежде, что привыкнет, вошла в море.

Сколько раз, сидя под деревьями, они с друзьями говорили о море и удивлялись, что вода в нем соленая и что оно глубже и шире речки, на которую их водят купаться. Настолько шире, что другого берега не видно. Это невозможно было понять, как и то, что за высоким забором есть другая жизнь, в которую им придется когда-то войти, навсегда закрыв за собой двери детского дома. Иногда из той жизни к ним навевались люди, они ходили по корпусам, смотрели на детей и уходили. Это могла быть санитарная или пожарная инспекция или социальные работники, проверяющие условия жизни, – детям было все равно, они бросались ко всем и просили забрать отсюда.

Насте было пять лет, когда она тоже попросила забрать ее. Она взяла тетю за рукав и рассказала обо всем, что лежало на сердце: что у нее есть мама, что мама ищет ее, что нужно только забрать ее отсюда, и мама сразу ее найдет. И еще она сказала, что ее мама самая добрая и красивая. Тетя обещала забрать ее завтра утром, и Настя всем сердцем поверила. Перед сном она разложила на кровати сиреневый шерстяной платок, положила на него старенького облезлого лисенка, вязаную шапочку, осенние ботинки, желтое в цветочек платье из ацетатного шелка, альбом и три карандаша: синий, красный и зеленый. Потом завязала платок узелком, сунула под одеяло и, одетая, легла в постель.

Она боялась раздеться, чтобы не заставить тетю ждать, а то вдруг у нее не будет времени. Она боялась уснуть, но незаметно закрыла глаза, и... Утром она получила нагоняй от воспитательницы за то, что легла спать в одежде. «Меня сегодня повезут к маме!» – с достоинством сказала Настя, и спальня погрузилась в мертвую тишину. А потом вдруг все дети заплакали. Прибежали другие воспитательницы, начали их успокаивать, но это не помогало. Дети должны были наплакаться, чтобы отлегло от сердца. Потом все вернется, но

это будет не сегодня.

Так Настя узнала, что такое обман, и это было больно. До этого она верила, что детский дом – это временно, она даже не украшала рисунками стену у изголовья, как это делали другие дети. Она всегда чувствовала себя как на перроне – вот-вот придет поезд и заберет ее, поэтому она всегда должна быть причесана, одежда должна быть чистой, все должно быть под рукой: и лисенок, который с ней всегда, сколько она себя помнит, и альбом, в котором она уже понемножку писала каракули и рисовала, и ботинки, и шапочка. Она уже считала себя взрослой – ей иногда поручали присматривать за трехлетками, ей доверяли! А тут она, вполне взрослая, слепо доверилась взрослому человеку, да еще как доверилась! И она поклялась больше никогда не верить обещаниям тех, кто жил по ту сторону забора. Директор и все воспитатели тоже там жили.

Но один взрослый жил здесь, это был сторож дядя Рома. Он выходил за забор ненадолго и возвращался с тяжелой сумкой. Из этой сумки он доставал конфеты, коробки с кукурузными палочками, пряники и сушки. И угощал детей. Однажды Настя сидела на скамейке, наблюдая за воробьями, купавшимися в луже, и не заметила, как подошел дядя Рома.

– Привет, Настенька! – бодро сказал он.

Она подняла глаза и прищурилась – светило яркое солнце. Руки дяди Ромы были спрятаны за спину.

– Угадай, в какой руке?

Она улыбнулась – когда дядя Рома так делал, дети никогда не ошибались.

– В правой!

– Молодец, получай!

Она протянула руку, и дядя Рома вложил в нее крошечный деревянный домик.

– Нравится?

– Очень!

И это была правда – уж очень красивым был домик. Стены синие, окна золотистые, будто в них горит свет, и красная крыша.

С той поры Настя не расставалась с домиком, и в ее сердце родилась мечта: она вырастет, и у нее будет свой дом, большой, красивый и уютный. Она изобразила его на большом альбомном листе. Перед домом нарисовала скамейку, а на ней – маму с рыжим котом на руках. «Мой дом», – написала она под рисунком.

Что такое «мое», она прочувствовала однажды во время дежурства. В обязанности дежурных входила уборка раздевалки, спальни и чистка обуви. Дело было осенью, ботинки у всех одинаковые, да к тому же одинаково грязные. Настя смачивала тряпочку в тазу, мыла ботинки, потом другой тряпочкой вытирала насухо и ставила на газеты, расстеленные вдоль стены. Когда она взяла свои ботинки, в груди вдруг стало тепло. Она не вымыла их лучше других, но, пока она мыла, ей было как-то необычно хорошо... Закончив, она поставила ботинки на газету и улыбнулась. Потом поставила чуточку ровнее, смахнула невидимые пылинки и поклялась себе, что, когда вырастет, у нее будет много своего.

А пока она все это представляла и иногда видела во сне, а проснувшись, сразу зарисовывала и клала в папку, подаренную директрисой. Первые рисунки были неумелыми, но шло время, она училась. И однажды директриса сказала, что придет дядя и Настя должна показать ему свои рисунки. Дядя действительно пришел вместе с комиссией РОНО.

– Тебе надо учиться на художника, – сказал он. – Я запишу твою фамилию и что-нибудь

придумаю.

Настя поверила. Время шло, но дядя так ничего и не придумал, и Настя корила себя за то, что забыла клятву номер один.

Не только люди из-за забора, но и Дед Мороз не исполнил ни одного ее желания. И вообще, Дед Мороз – это дядя Рома.

Но на своем первом новогоднем утреннике, почти в четыре годика, она ничего этого еще не понимала, потому что была совсем маленькая, и, сидя в самом конце актового зала, с нетерпением и испугом ждала, когда же назовут ее фамилию. В сотый раз шепча коротенькое стихотворение, она ерзала по скамеечке, кусала ногти, одергивала юбочку, вытягивала шею и вертела головой во все стороны. Она боялась забыть стихотворение, приготовленное для Деда Мороза, но пуще всего боялась, что Дед Мороз пропустит ее фамилию, а у нее как раз такое важное для него поручение. Сегодня она кое-что покажет ему и кое о чем попросит. Она сунула руку в кармашек и в который раз проверила, на месте ли рисунок. Рисунок был на месте. Малыш, сидевший на коленях у Деда Мороза, робел и запинаясь. Да, дети забывали стихотворения и писали в штанишки и на костюм Деда Мороза, но он был умный и стелил на колено клеенку, завернутую в кусок такой же ткани, из которой был сшит костюм. Покончив со стихами, красные, как его костюм, дети обнимали Деда Мороза и что-то шептали на ухо, отчего его глаза блестели и тоже становились красными.

– Палий Настя! – услышала она, вскочила, одернула юбочку, снова проверила, на месте ли рисунок, и направилась к елке. – Настенька, с Новым годом, пусть он принесет тебе счастье! – сказал Дед Мороз, посадив ее на колено, и вынул из мешка плоский синий пакет, перевязанный желтой атласной ленточкой.

Настя заглянула в пакет и ахнула – в нем лежали акварельные краски, кисточки, наборы карандашей и бежевая папка с какой-то надписью. Настя видела такую папку по телевизору, она уже знала, что в ней лежит много больших листов белой бумаги для рисования. Это же целое богатство!

[Купить полную версию книги](#)